

УДК 811.161.1 + 811.511.113

А. Деци, Е. И. Костанди

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДИСКУРС
В СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ:
«СВОЕ» – «ЧУЖОЕ»**

Ситуация языковых контактов, в частности, сосуществование титульного языка и языка диаспоры, реализующееся в регулярных двуязычных речевых практиках, предполагает взаимодействие этих практик и языков. Анализ одного из контактирующих языков, в нашем случае – русского, способствует осмыслению роли в этой ситуации и другого языка – эстонского. Статья продолжает ряд работ авторов, посвященных анализу особенностей русской речи в современной Эстонии, сформировавшихся под влиянием эстонского языка, местной языковой ситуации и иных факторов. К таким особенностям относятся и маркеры пространства, частично описанные в имеющихся публикациях, результаты которых в статье обобщаются.

Анализ материала продемонстрировал, что к пространственным показателям, отличающим речь диаспоры, относятся различия в пресуппозиции, обусловленные фоновыми знаниями, специфика топонимики и иных наименований локусов, языковое оформление пространства, частные речевые практики, принятые в том или ином пространстве, и описание, характеристика, оценка пространства, или пространственная рефлексия, обусловленная местными факторами. Это говорит о специфике пространственного дискурса диаспоры, включающего названные показатели и представляющего освоение пространства, в частности, социокультурного, и определение его как «своего» или «чужого».

В статье дана общая характеристика пространственного компонента речи русской диаспоры Эстонии, отражающего взаимодействие русского и эстонского языков и культур и общность ряда речевых практик их носителей. Отдельно рассматривается реализация оппозиции «свой» / «чужой» на материале устных интервью жителей Эстонии с разными родными языками, фоновыми знаниями и жизненным опытом и эстонских вкраплений в сетевой коммуникации русскоязычных жителей Эстонии. Проанализированы оценки интервьюируемыми разных локусов и роль эстонских вкраплений в формировании указанной оппозиции.

Ключевые слова: Эстония, русский и эстонский языки, двуязычные речевые практики, хронотоп, «свое» – «чужое», пресуппозиция, топонимика, локализация практик, рефлексия, иноязычные вкрапления.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-619-632

В пространственной модели мира человека оппозиция «свой» / «чужой» занимает одно из центральных мест. Эта модель трансформируется, приспосабливаясь к разным условиям, в частности, к ситуации языковых контактов. С такой ситуацией мы имеем дело в Эстонии, где сосуществуют, реализуясь в регулярных речевых практиках, титульный и другие языки: прежде всего, русский как язык самой большой диаспоры, довольно регулярно – английский, реже – иные языки. В итоге мы имеем ситуацию мультиязычных практик и взаимодействия языков, культур и картин мира. Нас интересует соотношение *русский – эстонский*, однако отдель-

ные примеры потребуют обращения и к другим языкам. Будут затронуты и темпоральные показатели, так как мы опираемся на понятие хронотопа как «взаимосвязи временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975, 234]. Хронотоп, во многом лежащий в основе определения «своего» и чужого» [там же, 251–254], является многослойным, предполагающим, что общий хронотоп включает в себя взаимодействующие микрохронотопы, определяющие модели поведения и организующие многослойную идентичность людей [Blommaert, De Fina 2017]. В центре же нашего внимания – пространственные маркеры и их роль в организации оппозиции «свое» – «чужое». Первая часть статьи содержит общий обзор, базирующийся на собранном за последние примерно 20 лет разнообразном материале (разговорной речи, говорах, СМИ, художественной и учебной литературе, мемуарах и др.). Этот материал позволяет выявить закономерности, характеризующие речевую практику диаспоры в целом. Вторая часть посвящена рассмотрению конкретных фактов – нескольких устных интервью и эстонских вкраплений в сетевом общении на русском языке. Результаты анализа говорят о многообразии пространственных значений, которые невозможно представить в одной статье в полном объеме, поэтому в первой части охарактеризуем самые основные проявления местной специфики пространственных параметров и реализации их посредством оппозиции «свой» – «чужой».

1. Пространственные маркеры в речи диаспоры

Наблюдения над русской речью в Эстонии показали, что она имеет множество местных особенностей – от наиболее очевидных, например, эстонских вкраплений, до почти незаметных без сопоставления объемного и разнородного материала, как, например, характер и средства выражения оценки в текстах ряда жанров, актуализация языковой рефлексии и др. Разнообразны эти особенности и в пространственной сфере [см.: Костанди 2018; Паликова 2012, 2013; Щаднева 2018а, 2018б; Palikova, Kagu 2009]; они частично систематизированы [Костанди 2019а]. Обобщая и дополняя результаты указанных работ, можно сказать, что к пространственным маркерам, отличающим русскую речь в Эстонии, относятся характер пресуппозиции, предопределенный фоновыми знаниями о пространстве; специфика топонимики и иных «указателей», составляющих языковое оформление пространства; частные речевые практики, принятые в том или ином пространстве; дискурс о пространстве, или пространственная рефлексия, обусловленная местной ситуацией. Названные компоненты, или, скорее, группы компонентов, включающие множество частных случаев, пересекаются, образуя комплексное явление, до настоящего времени в целом не проанализированное с точки зрения реализации в нем оппозиции «свое» – «чужое». Как отмечает И. В. Захаренко, «в древнейших представлениях «свое» и «чужое» пространство мыслится как совокупность концентрических кругов» [Захаренко 2013, 16]; в центре находится человек, его родственники, «а степень «чужести» возрастает по мере удаления от центра (человек – дом – двор – село – поле – лес)» [там же]. «Свое» представляет собой освоенное, окультуренное пространство, которое через ряд границ переходит постепенно в «чужое», в результате чего не всегда возможно установление четких границ между «своим» и «чужим». Это наблюдается и в нашем материале, о чем пойдет речь ниже.

1.1. Пресуппозиция / фоновые знания

Речь всегда соотносена с фоновыми знаниями и соответствующей пресуппозицией – предварительными семантическими и прагматическими условиями, обеспечивающими успешную коммуникацию. В нее входит и исходная локализация предмета речи и участников коммуникации, что может быть определено как пространственная пресуппозиция. Такая локализация часто не выражена формально, как, например, в следующих начальных предложениях новостных текстов:

(1) *Элла Аграновская выпустила книгу к 70-летию Русского театра*¹ (ЕТV+).

(2) *Начиная с сегодняшнего дня Налогово-Таможенный департамент (НТД) рассылает испрaвленные уведомления об оплате земельного налога около 4000 лицам, которым в уведом-*

¹ Во всех письменных примерах сохранены стиль, орфография, пунктуация оригинала.

лениях об оплате земельного налога из-за ошибки взаимодействия инфосистем были неверно учтены льготы по оплате земли под домом (<https://rus.delfi.ee>).

В конкретной стране эта информация по умолчанию будет отнесена прежде всего к «своей» стране, у нас – к Эстонии, в отличие от русских текстов в других странах, например, в России. Искусственными и информативно избыточными в нашей ситуации были бы варианты с такой локализацией:

(3) *Эстонская журналистка Элла Аграновская выпустила книгу к 70-летию Русского театра Эстонии.*

(4) *Начиная с сегодняшнего дня Налогово-Таможенный департамент Эстонии (НТД) рассылает исправленные уведомления <...>.*

Без необходимости подчеркнуть отнесенность к своей стране или к своим городу, региону, организации и т.д. специально «свое» чаще не обозначается. В то же время при сообщении о «чужих» стране, регионе и т.д. обычной является формально выраженная локализация, ср.:

(5) *С 3 декабря разрешены только спортивные тренировки совершеннолетних профессиональных спортсменов взрослых сборных Латвии, латвийской олимпийской сборной и латвийской паралимпийской сборной <...> (<https://rus.delfi.ee>).*

(6) *Жюри отметило, что дебют Дмитрия Рудакова – это красивая и медитативная драматизация конца жизни русского поэта Варлама Шаламова, пережившего ГУЛАГ (<https://rus.postimees.ee>).*

Таким образом, пространственная пресуппозиция предопределяет установление «своего» и «чужого». Отмеченное проявление «своего» – «чужого» в пресуппозиции, разумеется, не является единственно возможным. Фоновые знания предполагают не только ту или иную исходную локализацию, но и множество сведений о «своем» и «чужом» пространствах, их освоенности, близости и т.п.

1.2. Языковое оформление пространства

Языковое оформление пространства начинается с присвоения названий рекам, горам, долинам, городам и т.д., или с топонимов. В Эстонии топонимы за долгую историю были эстонскими, шведскими, русскими, немецкими, что привело к неоднозначности отношений «своего» и «чужого» в этой сфере. То же можно сказать и об иных наименованиях разных локусов. В итоге характерной приметой речи диаспоры стало регулярное использование вариантов топонимов и наименований различных объектов в пространстве, ср.:

(7) *город Усть-Нарва / Нарва-Йьесуу (Narva-Jõesuu), Рижское шоссе / Рийа маантеэ (Riia maantee), площадь Свободы / площадь Вабадусе (Vabaduse väljak); деревня Тихедка / Тихеда (Tiheda); Северо-Восток / Ида-Вирумаа; Аннелинская гимназия / гимназия Аннелинна.*

Подобную вариативность мы видим и в использовании исторических топонимов, часто сопровождаемом авторскими комментариями. Так, в романе о жизни русских эмигрантов в Эстонии в 1920–30 гг. русский эстонский писатель А. Иванов часто использует исторические названия, например:

(8) *«Пока был в Тарту, многое изменилось... Юрьев – мрачный городок – записал он в тетрадь»; «Осень 1934, Юрьев – Ревель. Лето промелькнуло, как поезд: Tallinn – Tartu, Tartu – Tallinn ... Они все еще зовут его – Юрьев» (А. Иванов. «Харбинские мотыльки»).*

В посвященной старым газетам рубрике ежеутренней передачи «Кофе+» на русскоязычном эстонском телеканале ETV+ также регулярно звучат исторические варианты топонимов, сопровождаемые комментариями:

(9) *Перелистаем старую газету «Ревельские известия». Благодаря ей мы продолжаем знакомиться с прежними названиями тех или иных населенных пунктов Эстонии. Так, в номере от 9 мая 1909 года мы видим объявление о продаже хорошей дачи в сосновом бору близ железнодорожной станции в Шарлоттенгоф. Это прежнее название Аэгвийду, где и поныне любят отдыхать жители Эстонии (ETV+).*

Проявлением «своего» – «чужого» в топонимике является и степень лексико-грамматической освоенности топонимов, что под иным углом зрения частично рассматривалось в указанных выше работах, посвященных пространственным показателям в русской речи в Эстонии. Сейчас ограничимся примером словообразования в паре: *населенный пункт – его жители*. Более освоенные топонимы (10а), например, вошедшие в общерусские исторические, литературные и иные тексты, словообразовательно ведут себя как «свои», русские топонимы; с менее же освоенными (10б), «чужими», напротив, такую пару можно образовать с трудом или нельзя вовсе, ср.:

(10) а) *Нарва / нарвляне / нарвлянин / нарвлянка; Таллин / таллинцы / таллинец / таллинка;*

б) *Вильянди, Паламузе, Пайде, Киллинги-Нымме, Тырва, Вихула.*

Маркеры «своего» – «чужого» в топонимике многообразны, помимо отмеченных, это и произношение названий, написание их латиницей или кириллицей, обыгрывание эстонских названий в русской речи и др. [Костанди 2019б]. Если говорить о буквально понимаемом языковом оформлении пространства (наружная реклама, названия улиц, площадей, кафе, надписи в магазинах, аптеках и т.п.), то обязательно оно на эстонском языке, на других – факультативно. Соответственно, в наших условиях привычно видеть надписи на латинице, что порой приводит к курьезным случаям, когда житель Эстонии с родным русским языком, оказываясь, например, в России, не всегда может быстро «переключиться» на кириллицу. Примеров такого рода множество, один из них – фрагмент устного рассказа жительницы Таллина о встрече с друзьями в Москве:

(11) *Они мне говорят: «Там кафе есть, «Ива» называется». Я пришла, ищу это кафе, никак найти не могу. Не сообразила, что читаю я латиницей «Иву» как «Уба»² (разговорн. речь).*

«Сбои» могут быть связаны и с правильным прочтением надписей, например, о том, в какую сторону открывается дверь, в какие часы работает аптека, которые в привычной среде часто десемантизируются и воспринимаются автоматически. Попадая в пространство, оформленное на другом языке, человек пытается прочесть и понять их, что лишает его автоматизма действия. Чтение латиницы – наша повседневная дискурсивная практика во внешнем пространстве, и эстонские надписи воспринимаются как «свои», в отличие от «чужих» русских. Помимо этой практики, в отдельных локусах (больница, спортзал, транспорт и т.д.) сформировались свои локальные практики, усложняющие соотношение «своего» и «чужого».

1.3. Локальные речевые практики

Ряд практик, характерных для Эстонии, уже рассматривался, например, в [Костанди 2015]. Речевая практика как нечто практикуемое, используемое человеком или группой людей, будучи освоенной, становится «своей». Посмотрим с этой точки зрения на практику использования текстов билингва, типичную для эстонского пространства. Тексты билингва, образуемые параллельными текстами на двух языках, широко распространены во всех сферах: двуязычные интернет-сайты городов, учреждений, фирм, двуязычные газеты, инструкции, банковские бланки, надписи на упаковках товаров, субтитры с переводом к фильмам, устные объявления на вокзале, в магазине и т.д. В то же время практика их использования в разных сферах / локусах может различаться. В банковской сфере клиент скорее предпочтет текст на языке, который он хорошо знает, и для человека с родным русским языком «своим» может стать как русский, так и эстонский текст, в зависимости от его знания языков. Беря в руки рекламно-информационную газету торговой сети, покупатель порой не задумывается над тем, какой язык для него «свой», он смотрит на иллюстрацию и цену товара. Новости на городских сайтах могут быть в разном объеме даны на разных языках, часто в большем объеме – на эстонском; поэтому русскоязычный пользователь, даже знающий эстонский язык не в совершенстве, может воспользоваться более информативной эстонской версией. Таким образом, границы «своего» и «чужого» в практике ис-

²Эст. *uba* – ‘боб.’

пользования текстов билингва оказываются подвижными. Перечень вариантов текстов билингва можно продолжить, как и привести иные примеры соотнесенности речевых практик и локусов их применения и подвижности границ интересующей нас оппозиции. Разные практики могут сопровождаться комментариями:

(12) *Всю информацию о мероприятии можно получить на сайте организации, в том числе и на русском языке (ETV+). Мы говорим на вашем языке! (реклама).*

Высказывания по поводу «своего» и «чужого» (языка, культуры, привычек) и их отнесенности к разным пространствам регулярны в ситуации сосуществования языков и культур. Материал позволяет выделить и особую пространственную рефлексия, порожденную той же ситуацией.

1.4. Пространственная рефлексия: «свое» – «чужое»

Актуальная для диаспоры тема «своего» и «чужого» пространств имеет разные проявления и может касаться страны в целом, ее регионов, пространства в прошлом и сейчас (Российская империя, СССР, Эстонская республика), знаковых мест в Эстонии и др. Например, в русской и эстонской частях общества бытует представление, часто упрощенное, о том, что в стране, в некоторых городах есть «русские» районы с преимущественно русским населением: северо-восток страны, граничащий с Ленинградской областью, таллинский район последних советских новостроек Ласнамяэ и др. Некоторое время назад в ходе предвыборной кампании плакаты одной из партий, отражавшие проблему разделения «русского» и «эстонского» пространств, вызвали острую дискуссию, отозвавшуюся, например, в следующих фрагментах писем читателей, опубликованных на новостном портале rus.delfi.ee:

(13) *Я – русскоговорящий парень Сергей. Родился в Таллинне, в семье без эстонских корней. Родом я также из района для русских* (*по Вашим словам это «район для русских»). Я ходил в русский сад и учился 12 лет в русской школе.*

(14) *Вот такой я русский парень из «русского» района Ласнамяэ, много лирики, и не верю я ни в какие изменения, пошумят, волна пройдет, и все дальше будет как будет. Эстонцы поедут на фестиваль мнений в Пайде, а русские пойдут на пикник на пляж Штрооми.*

Рефлексия по поводу специфики «русских» мест в Эстонии бывает как острой, болезненной, так и нейтральной или шуточной, сопровождающейся иронией. Так, неоднократно на тему «русской» Нарвы и знания эстонского языка в Нарве шутили ведущие (В1 и В2) телепередачи «Народу важно» нарвской студии телеканала ETV+, например:

(15) **В1:** *Редакция в своей статье про празднование Дня независимости Эстонии в Нарве опубликовала, без смеха это нельзя, вообще нельзя говорить, опубликовала слова гимна Эстонской республики, но на каком-то своем эстонском новоязе. Они модернизировали этот гимн, появились новые сложные слова, например, тийднпярõдт³ и куйкаунисоледаа⁴, их там больше. Я попытался на русский язык перевести вот это первое слово. Интересное такое слово – счастливорадостный! <...> **В2:** Как ты думаешь, чем это кончится? Придет Языковая инспекция? Какого-то накажут? <...> **В1:** Нет-нет, я полагаю, что филологи Тартуского университета сейчас сидят, разрабатывают новый словарь нарвского эстонского языка, с такими сложными конструкциями. Мощный такой! Ух! <...> **В2:** Нарвитяне, смелее нащупывайте свой идентитет!⁵ <...> И Нарва заиграет новыми красками!*

Итак, рассмотренные выше группы пространственных маркеров содержат разные проявления «своего» – «чужого». После общей характеристики рассмотрим материал трех устных интервью и роль эстонских вкраплений в моделировании хронотопов в русской речи в интернет-общении. Причиной выбора этого материала для второй части статьи стало то, что в интервью целенаправленно были включены вопросы о восприятии «русского» и «эстонского» про-

³ Эст. *ти дпн ја рõдт* – ‘мои счастье и радость’.

⁴ Эст. *kui kaunis oled saa* – ‘как ты прекрасна’.

⁵ Ср. эст. *identiteet*.

странств, а эстонские вкрапления разного объема, от одного слова до целых предложений, наиболее очевидно отражают взаимодействие языков.

2. Интервью: «свое» и «чужое»

Интервью содержат ответы на вопросы о публичном и частном пространстве Эстонии⁶. В таблице представлена основная информация об интервьюируемых.

Таблица №1

	пол	возраст	гражданство	место рождения	образование	речевой портрет
А	М	25	Эстония	Тарту ⁷	среднее	Из русскоязычной семьи, владеет эстонским на высоком уровне.
Б	Ж	28	Эстония	Вильянди ⁸	незаконченное высшее, музыкальное	Эстонский – родной, владеет шведским и английским, учила русский в школе, но не говорит на нем.
В	Ж	25	Россия	Сортовала ⁹	высшее, филологическое	Русский – родной, свободно владеет эстонским, работает в эстонском коллективе.

Отбор информантов дает некоторое представление о социолингвистической и культурной неоднородности эстонского общества. Они представляют разные слои населения: русскоязычный, родившийся в Эстонии, эстонка и русскоязычная, приехавшая из России. Все являются представителями поколения 1990-х гг. рождения, интегрированы в эстонское общество, однако различаются по уровню образования и по степени знания русской культуры и русских реалий. Б. утверждает, что не владеет русским языком и что у нее было мало контактов с русскоговорящими. Интервью содержат субъективные мнения информантов и не оцениваются нами как правильные или неправильные.

В интервью есть много хронотопических характеристик, мы уделим внимание только двум аспектам – *дому* и *внешнему пространству*. Для характеристики «своего» и «чужого» говорящие используют ряд языковых средств, отметим лишь некоторые, сосредоточившись на том, как оценка и знание конкретных явлений / предметов способствуют формированию данной оппозиции. Ответы информантов соотносятся с хронотопами, характеризующими их «личную сферу», в которую «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Апресян 1986, 28]. Рассмотрим примеры, касающиеся *дома* и *внешнего, общественного пространства* Эстонии.

2.1. Дом

Отвечая на вопрос, «есть ли разница в том, каково домашнее пространство у русских и у эстонцев», А. и В. дали свое описание русского и эстонского домов и сравнили их. Б. не смогла ответить полно, поскольку, по ее словам, у нее нет русских друзей и она не бывала в русских домах, что говорит о «чужести» для нее данного хронотопа. В ответах А. и В. оппозиция «свое» – «чужое» прослеживается не всегда четко, что видно и из приведенных ниже примеров.

⁶ Поскольку интервью было проведено в рамках социолингвистического семинара совместно с коллегой из Стокгольмского университета, не владеющей ни русским, ни эстонским языком, мы попросили информантов говорить на английском. Два информанта согласились, третий говорил на русском языке.

⁷ Недавно переехал в Таллин.

⁸ Прожила 8 лет в Стокгольме.

⁹ Переехала 8 лет назад в Таллин.

2.1.1. Русское бытовое пространство

(16) **A:** *Russian houses remind me of the Soviet Union. They are houses with bad taste where the carpets are on the wall.*

B: *В квартире, да, есть большая разница. Вот как мои подружки, например, они купили квартиру, и у них бабушка им все как бы спонсировала, поэтому они должны были все по бабушкиному решению делать. <...> Заказали непременно стенку...знаешь, что такое стенка? Это вот когда во всю стену такая секция из шкафов, всяких там шуфлядок <...> там, не знаю, стеклянные бокалы, все подряд туда можно поставить, серванты всякие, короче, всякую ерунду, вот. Такая... стену гигантскую, длинную стену нужно обязательно занять, вот это чисто по-русски, знаешь? Тоже диван гигантский должен быть <...> гигантское количество гигантских шкафов обязательно должно быть...да, это по-русски очень. Обязательно ковер должен быть на полу, и все обоями должно быть покрыто, нейтральных цветов желательнее, и все это, может быть, нехорошо сочетается, но вот оно такое, типа внизу разное. На кухне непременно всяких 500 вещей, которые не используют. Очень много, знаешь, вот захламлено пространство очень всякими вещами.*

И¹⁰: *Наверное, там ковер на стене должен быть?*

B: *Не-а, на стене уже нет, все-таки не старые бабки.*

В ответе А. преобладает негативная оценка русского дома (*bad taste*), ассоциируемого с советским хронотопом (*Russian houses remind me of Soviet Union*), частично базирующаяся на стереотипах (*the carpets are on the wall*), не обязательно соответствующих современным реалиям. А. родился в Эстонии в русскоязычной семье, некоторые признаки русского пространства прошлого, возможно, входили или входят в его личную сферу и представляют «свое», от которого он, однако, отталкивается. Стереотип «ковров на стене» присутствует и в реплике В., отвечающей на вопрос о них (*все-таки не старые бабки*). Стереотипом, тяготеющим к негативной оценке, является и образ пространства прошлого, который можно наблюдать у пожилых (*по бабушкиному решению*). В ответе В. пересекаются и сопоставляются русское пространство прошлого и настоящего. Создается образ перенасыщенного пространства, что усиливается повтором слов *всякий, там, очень много*, выступающих интенсификаторами оценки, а также модальностью сказуемых (*нужно занять, должно быть*) и обстоятельств (*обязательно, непременно*). Ответ информанта демонстрирует хорошее знание предмета – она прожила большую часть жизни в российском социокультурном пространстве, входящем в ее личную сферу, однако негативная оценка некоторых реалий показывает, что не все в нем воспринимается как «свое». Люди, о которых идет речь, определяются как «свои» (*мои подружки*), в то же время описываемое пространство не входит в «личную сферу» – информант говорит «у них», а не «у меня». Рассмотрим, как интервьюируемые характеризуют эстонское пространство.

2.1.1.2. Эстонское бытовое пространство

(17) **A:** *Estonian houses have a pretty minimalistic style, it's pretty understandable, clean, well thought out and space, you know? Because there is not so much stuff that can be useless.*

B: *Мне кажется, что у них свободнее пространство. Ты у них зайдешь – большой зал <...> и там, например, диван и телевизор, все, больше ничего. И все будет непременно в минималистических светлых тонах каких-нибудь там, чтобы, не дай бог, там, где-то было что-нибудь лишнее, то есть у них наоборот, вот так вот, максимально светло, максимально мало вещей, мне так кажется?*

Образы эстонского и русского пространств находятся в оппозиции, различаясь по образу, цвету, расположению вещей, по насыщенности (*minimalistic style, understandable, clean, space, свободнее, максимально мало вещей / захламлено, всякую ерунду*) и по современности / отнесенности к прошлому (*Soviet Union*). В отличие от русского, эстонское пространство ассоциируется и у А., и у В. с большим порядком, что тяготеет к положительной оценке. В ответе В.

¹⁰ Интервьюирующий.

разные средства, например, модальная лексика (*мне кажется*), отражающая неполную освоенность предмета, местоимение «у них», предполагающее оппозицию с «у нас» / «у меня», передают размытость понимания «своего» и «чужого».

Таким образом, с одной стороны, русское и эстонское пространство находятся в оппозиции, но вычленение «своего» и «чужого» нечеткое. Это же наблюдается в частях интервью, касающихся внешнего пространства Эстонии, физического и публичного.

2.1.2. Внешнее пространство

2.1.2.1. Эстония

(18) В: *Это было что-то среднее такое. Мы за границей, но вроде ты можешь коммуницировать. <...> Я все равно понимала, что мне достаточно знания русского, и я бы не пропала в принципе, но если я хотела только вот заниматься вопросами документации, да, прихожу, да, допустим, там говорят по-русски, не знаю, страховку оформлять там или куда-нибудь еще, а бланки мне дают на десяти листах по-эстонски. <...> Когда попадаешь в другую среду, и половина дверей тебе закрыты, потому что ты не понимаешь что-то, о чем говорят, то, естественно, все по-другому воспринимаешь. А меня все устраивало. Только не все локации мне были доступны, скажем так.*

2.1.2.2. Нарва

(19) Б: *I have been in Narva and it has been a shocking experience, when I went there it didn't feel Estonia at all, it was ugly and grey and abandoned, it looked sad, people didn't speak Estonian, which made my experience even stronger that perhaps it actually was.*

2.1.2.3. Рынок

(20) Б: *I remember that when I was small, I was going to the market in Tallinn and there were many many Russians. The marketplace is very Russian. They liked me but I wasn't understanding what they were saying. <...> I went to the market last winter, it's pretty much the same place, but it felt like home, it's pretty much this eastern culture selling cheap clothes granny style.*

Информанты приписывают разным локусам определенные характеристики и практики, в том числе речевые, размышляя и оценивая их на основе знания и освоенности таких практик. Это свидетельствует о близости или «чужести» некоторых хронотопов с соответствующими моделями (речевого) поведения «личной сфере» информантов. Оппозиция «свое» – «чужое» является нечеткой в ответе В. об Эстонии: «что-то среднее», не очень отличающееся от исходной среды (*Когда попадаешь в другую среду... естественно, все по-другому воспринимаешь... А меня все устраивало*). Вместе с положительной оценкой это демонстрирует близость эстонского хронотопа к «личной сфере» говорящего. Важную роль в определении «своего» и «чужого» играет возможность общаться и быть понятым на «своем» языке, что не всегда предоставлялось информанту (*не все локации были доступны*). Значимость языка для определения «чужого» можно увидеть в ответе Б. о Нарве, которую она оценивает негативно, частично из-за отсутствия там эстонского языка. Такая роль языка не отмечена в (20), где обсуждается таллинский рынок. В этот хронотоп включаются русский язык, восточная культура и дешевая одежда «бабушкиного стиля» (*granny style*). Информант не понимает русских продавцов, однако это место не характеризуется ни отрицательно, ни как «чужое». Б. утверждает, что в детстве регулярно посещала рынок, у нее относительно хорошее знание предмета, на котором и основывается оценка. Б. включает рынок не только в свою «личную сферу» (*it felt like home*), но, возможно, и в эстонскую культуру в целом (*it's pretty much this eastern culture selling cheap clothes*).

Итак, мы видим разные образы русского и эстонского хронотопов. В некоторых случаях они располагаются на противоположных полюсах, информанты помещают себя более или менее далеко от них в зависимости от того, что включают в свою «личную сферу». Знание пред-

мета играет важную роль в определении «своего» и «чужого» в пространстве. С другой стороны, это разделение не всегда четкое. То же наблюдается в интернет-общении русскоязычных жителей Эстонии, на чем остановимся ниже.

2.2. Вкрапления: «свое» – «чужое»

Интернет-материал представляется интересным для анализа восприятия пространства Эстонии его русскоязычными жителями и для осмысления роли эстонского языка в формировании пространственной рефлексии говорящих. Материал – 500 комментариев пользователей, содержащих эстонские вкрапления разного вида, – был собран с 2018 по 2019 гг. для более широкого исследования функций эстонских вставок, т.е. вкраплений, в интернет-дискурсе русскоязычных Эстонии. В ходе анализа было установлено, что вкрапления выполняют ряд функций, например, изобразительности речи и идентифицирующей референции, которые были рассмотрены ранее в [Деци 2019], где среди прочего затрагивались и топонимы, однако в другом аспекте – с точки зрения идентифицирующей референции. Около 70 комментариев из нашего корпуса содержали эстонские вкрапления, участвующие в передаче пространственных значений и в многовекторной организации хронотопов, в 30 из них вкрапления соотносятся с вычлениением «своего» и «чужого» в пространстве. Различные локусы Эстонии (города, районы, части города) характеризуются, сопоставляются, оцениваются коммуникантами по разным, часто пересекающимся критериям, которые можно определить как:

- межнациональный,
- внутрирусский,
- внутриэстонский,
- возрастной,
- международный,
- языковой.

Ниже рассмотрим, как коммуниканты, определяя «свое» и «чужое» и используя при этом эстонские вкрапления, осмыслиют свое положение посредством сопоставления разных хронотопов и создания образа «другого» (*The other*) [Bell 1999, 523–524; Jonnson et al 2020, 2]. Последнее определяется как субъектная позиция, на которой автор находится в диалогическом отношении. Рассмотрим примеры применения перечисленных критериев.

2.2.1. Межнациональный

Говоря об этом критерии, мы имеем в виду реализацию оппозиции «свое» – «чужое» как соотношения русского и эстонского в пространстве, например:

(21) *Однажды разговаривая с сослуживцем, ныне покойным, я сказал, что Эстимаа он мину сюндимаа¹¹, на что Рихо с долей ехидного превосходства ответил, ага ей оле исамаа¹²* (<https://forum.ee>).

Переплетение голосов, транслирующих разные точки зрения, демонстрирует сложность определения принадлежности человека к национальному пространству. Важную роль в этом играет переключение внутри русского текста на эстонский язык, позволяющее пишущему создать диалогическую оппозицию с «другим». Для автора значимо противопоставление *сюндимаа* и *исамаа* (*sünnimaa¹³* и *isamaa¹⁴*). Понятия, являясь тождественными по некоторым признакам (к примеру, оба могут обозначать место происхождения человека), различаются в эмоциональном плане. *Родина* связана с понятиями родной земли, семьи, близких людей, она существует независимо от государства и сохраняется с исчезновением последнего. *Отечество* предполагает преданность определенным социальным и политическим ценностям и «возникает там,

¹¹ 'Эстония – моя родина'.

¹² 'Но не отечество'.

¹³ Эст. – 'родина', от *sünd* – 'рождение', *maa* – 'земля'.

¹⁴ Эст. – 'отечество', от *isa* – 'отец', *maa* – 'земля'.

где личность и государство обладают по отношению друг к другу правами и обязанностями» [Чикаева 2017, 96]. Эстонское *isamaa* отсылает к национальной идеологии, и толковый словарь содержит речевые иллюстрации с возвышенно-пафосными коннотациями, например: *Isamaad armastama, kaitsma, Isamaa eest võitlema, verd valama*¹⁵ [ЕКСС]. Таким образом, в (21) есть точка зрения «другого», отражающая неоднозначность «своего» и «чужого» для русскоязычного собеседника. Оппозиция «свое» – «чужое» реализуется также внутри «русского» и «эстонского» пространств, на чем остановимся далее.

2.2.2. Внутрирусский

(22) Спорно, как уже было замечено выше, плотность торчков в *мустямяэ* повыше, чем в *ласна* будет. Не знажи, есть несколько знакомых (из *Нарвских*), которые купив хату в *мустамяэ* себя теперь чуть ли элитой считают. (<https://forum.ee>)

В (22), где эстонские вкрапления содержатся в названиях «русских» районов Таллина и их русифицированных вариантах (*Мустамяэ*, *Ласна*), сопоставляются русскоязычные локусы, которым приписываются определенные характеристики. При сопоставлении *Мустамяэ*, *Ласнамяэ* и *Нарвы* иронически передается точка зрения «другого», *нарвского*, противоречащая оценке автора, который воспринимает ее как «чужую».

2.2.3. Внутриэстонский

(23) Кстати, как-то тут кипело все по поводу эстонцев в *Ласнагорске*, так вот на удивление... бываю в одном доме новом 4-х этажном на *Паепарги*, там одни эстонцы и иностранцы... хозяйка квартиры шутит, мол они ниче не попутали? (<https://forum.ee>)

В (23) отражается стереотип, предполагающий распределение русского и эстонского населения Таллина по определенным районам, что, в частности, передается формой *Ласнагорск*, являющейся русифицированным вариантом эстонского *Lasnamäe*. Замена *-mäe*¹⁶ русским *-горск* указывает на тесную социокультурную связь этой части города с русским населением [Деци 2019, 336]. Однако в дискурсе автора возникает новая ситуация, передаваемая диалогом с «другим» (с хозяйкой квартиры), в которой границы оппозиции «русские» – «эстонские» части города частично стираются и предполагается оппозиция: эстонцы в «русском» районе – эстонцы в «эстонском» районе, или «реальные» – «стереотипные».

2.2.4. Возрастной

(24) *Муста* – чисто пенсионерский район. Очевидно, что дедули рано концы отдают, вот так оно и есть. На центральной возле *Кристинки* – это уже молоднячий район. (<https://forum.ee>)

В (24) при сопоставлении таллинских районов *Мустамяэ* и *Кристинки* (русифицированный вариант от *Кристийне*) оппозиция «свое» – «чужое» реализуется как «молодые» / «старые».

2.2.5. Международный

(25) Пусть *кадаковцы* и *ласнамяевцы* и *впаривают*, у меня на датских паспортах есть печати *Piirivalve*¹⁷! (<http://forum.ee>).

В (25) автор иронически отзывается о жителях районов Кадака и Ласнамяэ, противопоставляя их утверждениям (*впаривают*) «свои» аргументы: датские паспорта с печатями эстонской погранслужбы (*Piirivalve*), тем самым включая оппозицию «свое» – «чужое» в международный контекст.

¹⁵ ‘Любить, защищать Отечество, бороться, за Отечество, проливать кровь’.

¹⁶ От *mägi* – ‘гора’.

¹⁷ Эст. – ‘пограничная служба’.

2.2.6. Языковой

(26) *Ехал я троллейбусом номер два одну остановку с площади Свободы до «Соляри-са», опаздывал, а там сидят какие-то подростки и, выделяваясь друг перед другом, сообщают, между прочим, по-эстонски, что *avalikes kohtades vene keeles rääkida on keelatud*¹⁸, в общественных местах, мол, по-русски говорить воспрещается. Ну, я, конечно, сообщил им по-русски, что хрена лысого. А поскольку молодежь по-русски ни бум-бум, они как-то на меня уставились, что-то сказали, мол, ты с какого района и прочее, а я повторил сказанное и сошел через открытую дверь (<https://facebook.com>).*

В (26) эстонское вкрапление передает образ «другого» – эстонских подростков, утверждающих, что в общественных местах запрещено говорить по-русски. Это демонстрирует, что употребление русского языка может восприниматься как «чужое» некоторыми группами эстонцев, а негативная оценка дискурса подростков (*выделяваясь, друг перед другом, сообщил им по-русски, что хрена лысого*) отражает авторское восприятие этой точки зрения как «чужой».

Итак, материал интервью и эстонские вкрапления в русской речи отражают общую тенденцию – отсутствие однозначности в определении «своего» и «чужого» в пространстве, наличие переходных зон, использование ряда критериев, на которых базируется оценка хронотопов.

Заключение

Пространство, будучи одной из центральных категорий нашей картины мира, влияет на всю жизнедеятельность человека и находит множество отражений в языке и речи, в частности, участвуя в формировании оппозиции «свое» – «чужое». Ситуация языковых контактов дополняет эту картину, приводит к сложности организации хронотопов, их многовекторности, что подтверждается анализом русского языка в контакте с эстонским. Многочисленные примеры, лишь частично представленные выше, свидетельствуют о наличии в речи русской диаспоры Эстонии пространственных показателей, обусловленных сосуществованием народов, культур, языков. Границы «своего» и «чужого» в пространстве оказываются подвижными и коррелируют с взаимодействием и взаимопроникновением языков и двуязычных речевых практик. Анализ материала свидетельствует о существенной роли эстонского языка в формировании пространственной специфики русской речи в Эстонии.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28 (5). С. 5–33.
- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 505 с.
- Деци А.* Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т.13. Вып. 2. С. 331–342.
- Захаренко И. В.* Архетипическая оппозиция «свой»–«чужой» в пространственном коде культуры // Язык сознание коммуникация. Сборник научных статей, посвященных памяти В. Н. Телия. Москва: Макс Пресс. 2013. С. 15–31.
- Костанди Е. И.* Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 2. С. 29–40.
- Костанди Е. И.* Типовой дискурс диаспоры: пространственно-временная локализация // Kontaktlingvistikas aktuālās problēmas. Ventspils: Ventspils Augstskola. 2018. С. 41–54.
- Костанди Е. И.* Типовой дискурс диаспоры: пространственная локализация // Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXIX. Daugavpils: Saule. 2019a. С. 144–149.
- Костанди Е. И.* Пространство и время в речи диаспоры: функциональный аспект // Русский язык: система и функционирование. Минск: БГУ. 2019б. С. 31–43.
- Паликова О. Н.* Географическая лексика острова Пийриссаар: оценка окружающего пространства в говоре // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве. Ч. I. Псков: Псковский государственный университет. 2012. С. 53–59.

¹⁸ «В общественных местах запрещено говорить по-русски».

Паликова О. Н. Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (на материале городского сленга и островного говора) // Acta Slavica Estonica. III. Tartu: University of Tartu Press. 2013. С. 84–97.

Чихаева Т. А. Родина и Отечество: разграничение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. №1. С. 90–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-ili-otechestvo-razgranichenie-ponyatiy> (дата обращения: 06.12.2020).

Щаднева В. П. Топонимика западного побережья Чудского, Теплового и Псковского озер в аспекте оппозиции «свой» – «чужой» // Slavistica Vilmensis. 2018(a). №63. С. 245–261.

Щаднева В. П. Топонимические предания староверов Эстонии // Valoda-2018. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXVIII. Daugavpils: Saule. 2018(6). С. 46–52.

Bell A. Styling the other to define the self: A study in New Zealand identity making – Journal of Sociolinguistics. 1999. Vol. 3. № 4. P. 523–541.

Blommaert J., De Fina A. Chronotopic identities: on the time space organization of who we are – Diversity and Super-diversity. Sociocultural Linguistic Perspectives. Washington, DC: Georgetown University Press. 2017. P. 1–15.

EKSS = Eesti keele seletav sõnaraamat. Tallinn: Eesti Keele Instituut. 2009. URL: <https://www.eki.ee/dict/ekss/> (дата обращения: 26.01.2021).

Jonsson R., Gradin Franzén A., Milani, T. M. Making the threatening other laughable: Ambiguous performances of urban vernaculars in Swedish media – Language & Communication. 2020. Vol. 71. P. 1–15.

Palikova O., Karu K. Eesti asulanime transkribeerimisest ja käänamisest vene keeles – Eesti Rakenduslingvistika Aastaraamat. 5. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus. 2009. lk. 197–207.

Поступила в редакцию 21.06.2021

Деци Алессандра,

докторант

Отделения славистики Колледжа иностранных языков и культур,

Тартуский университет,

50409, Эстония, г. Тарту, ул. Лийви, 4,

e-mail: alessandradezi@gmail.com

Костанди Елизавета Илмаровна,

кандидат филологических наук, доцент

Отделения славистики Колледжа иностранных языков и культур,

Тартуский университет,

50409, Эстония, г. Тарту, ул. Лийви, 4,

e-mail: jelisaveta.kostandi@ut.ee

A. Dezi, E. Kostandi

SPACE DISCOURSE IN A LANGUAGE CONTACT SITUATION: “US” VS. “THEM”

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-619-632

Multilingual practices inevitably lead to language contact phenomena. This phenomenon occurs in Estonia, where the Russian speaking minority, often defined as a Russian diaspora, differs from the socially and linguistically dominant Estonian group with respect to their language and language practices. We suggest that the analysis of one of the languages in contact, in this case Russian, allows for a deeper understanding of the role of the other, i.e. Estonian, in the multilingual practices of the Estonian population as a whole. In this paper, we will focus on “spatial indicators” (i.e. toponyms, ergonyms, linguistic landscape objects, etc.) in the discourse on space provided by participants from the Russian-speaking population living in Estonia. These sociolinguistic foci have been partially described in several existing works which underscore the influence of Estonian on the speech of the local Russian speakers. Previous research gives insights into the peculiarities that the influence of Estonian generates: in the use of toponyms, in the naming of different language landscape objects, in the everyday language practices, and in the description and evaluation of the surrounding space (i.e. in the “spatial

awareness”) of the local Russian speaking population. However, little attention has been paid to the fact that the aforementioned phenomena represent a whole that reflects the development of the speakers’ apprehension of the surrounding physical, sociocultural and sociolinguistic space. This process is put into focus in this paper and is shown to be characterized by the (re)definition of space(s) as “ours” vs “theirs”. Such processes will be revealed here by giving an overview of the “spatial components” in the speech of the Russian speaking population of Estonia in several spheres of communication (newspapers, TV shows, advertisements, web forums, etc.) and by analysing interviews involving three Estonian residents, each with a different sociolinguistic background. We attempt to demonstrate how these “spatial components” reflect the interaction of Russian and Estonian speakers, with an emphasis on their affinities across certain language practices. In the analysis of the interviews, we focus in particular on the participants’ (re)definitions of “us” vs “them” in their discourse on space. Special attention is also given to the use of Estonian insertions as a tool for evaluation and the creation of the opposition between “us” and “them” in the internet communication of Russian speakers living in Estonia.

Keywords: Estonia, Russian and Estonian languages, bilingual practices, chronotope, “us” vs. “them”, presupposition, toponymy, localization of practices, awareness, insertions.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 4, pp. 619–632. In Russian.

REFERENCES

Apresyan Yu. D. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar, and the naive model of the world]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer science]. 1986. Vol. 28. Issue 5. P. 5–33. In Russian.

Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. 1975. 505 p. In Russian.

Dezi A. Estonskie vkrapleniya v internet-diskurse russkoyazychnykh zhitelei Estonii [Estonian items in the internet discourse of the Russian speaking population of Estonia]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13. Issue 2. P. 331–342. In Russian.

Zakharenko I. V. Arkhetipicheskaya oppozitsiya “svoi”–“chuzhoi” v prostranstvennom kode kul'tury [Archetypal opposition “us vs. them” in the spatial code of culture]. *Yazyk soznanie kommunikatsiya. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennykh pamyati V. N. Teliya* [Language, consciousness and communication. A collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya], Moscow. Maks Press Publ. 2013. P. 15–31. In Russian.

Kostandi E. I. Spetsifika diskursivnykh praktik v situatsii yazykovykh kontaktov [On the specificity of the discursive practices in a language contact situation]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2015. Vol. 2. P. 29–40. In Russian.

Kostandi E. I. Tipovoi diskurs diaspori: prostranstvenno-vremennaya lokalizatsiya [Typical diasporic discourse: on the spatial-temporal localization]. *Kontaktlingvistikas aktuālās problēmas*, Ventspils, Ventspils Augstskola Publ. 2018. P. 41–54. In Russian.

Kostandi E. I. Tipovoi diskurs diaspori: prostranstvennaya lokalizatsiya [Typical diasporic discourse: spatial localization]. *Valoda – 2019. Valoda dažādu kultūru kontekstā*, Daugavpils, Saule Publ. 2019a. Vol. XXIX. P. 144–149. In Russian.

Kostandi E. I. Prostranstvo i vremena v rechi diaspori: funktsional'nyi aspekt [Space and time in the diaspora’s speech: functional aspect]. *Russkii yazyk: sistema i funkcionirovanie* [Russian language: system and functioning], Minsk: BGU, 2019b. P. 31–43. In Russian.

Palikova O. N. Geograficheskaya leksika ostrova Piirissaar: otsenka okruzhayushchego prostranstva v govore [Geographical vocabulary of Piirissaar: assessment of the surrounding space in dialect]. *Russkii yazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve* [Russian language and literature in the multicultural communicative space], Pskov, University of Pskov Press. 2012. Vol. 1. P. 53–59. In Russian.

Palikova O. N. Neofitsial'naya geograficheskaya leksika kak lingvisticheskiy priznak territorial'noi obshchnosti lyudei (na materiale gorodskogo slenga i ostrovnogo govora) [Unofficial geographical vocabulary as a linguistic sign of the affinities of a community of people across territory (on the material of the city slang and language island)]. *Acta Slavica Estonica*, Tartu. University of Tartu Press. 2013. Vol. III. P. 84–97. In Russian.

Chikhaeva T. A. Rodina i Otechestvo: razgranichenie ponyatii [Motherland and fatherland: on the differentiation of the two concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State A.S. Pushkin University]. 2017. Vol. 1. P. 90–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-ili-otechestvo-razgranichenie-ponyatiy> (accessed 12 December 2020). In Russian.

Shchadneva V. P. Toponimika zapadnogo poberezh'ya Chudskogo, Teplogo i Pskovskogo ozer v aspekte oppozitsii «svoi» – «chuzhoi» [Toponymy of the western coast of Lake Peipus, Lake Teploe and Lake Pskov in the aspect of “own”–“alien”]. *Slavistica Vilnensis*. 2018(a). Vol. 63. P. 245–261. In Russian.

Shchadneva V. P. Toponimicheskie predaniya staroverov Estonii [Toponymic legends of Old Believers in Estonia]. Valoda – 2018. *Valoda dažādu kultūru kontekstā*, Daugavpils, Saule Publ. 2018(b). Vol. XXVIII. P. 46–52. In Russian.

Bell A. Styling the other to define the self: A study in New Zealand identity making – *Journal of Sociolinguistics*. 1999. Vol. 3. № 4. P. 523–541.

Blommaert J., De Fina A. Chronotopic identities: on the time space organization of who we are – Diversity and Super-diversity. *Sociocultural Linguistic Perspectives*. Washington, DC: Georgetown University Press. 2017. P. 1–15.

EKSS = Eesti keele seletav sõnaraamat. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 2009. URL: <https://www.eki.ee/dict/ekss/> (accessed 26 January 2021).

Jonsson R., Gradin Franzén A., Milani, T. M. Making the threatening other laughable: Ambiguous performances of urban vernaculars in Swedish media – *Language & Communication*. 2020. Vol. 71. P. 1–15.

Palikova O., Karu K. Eesti asulanimede transkribeerimisest ja käänamisest vene keeles – *Eesti Rakenduslingvistika Aastaraamat*. 5. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus. 2009. lk. 197–207. In Estonian.

Received 21.06.2021

Dezi Alessandra,

PhD student, Department of Slavic Studies,
College of Foreign Languages and Cultures, University of Tartu,
4, Liivi, Tartu, 50409, Estonia,
e-mail: alessandradezi@gmail.com

Kostandi Elizaveta,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Slavic Studies,
College of Foreign Languages and Cultures, University of Tartu,
4, Liivi, Tartu, 50409, Estonia,
e-mail: jelisaveta.kostandi@ut.ee